

Теория. Методология. О КОМПАРАТИВНОМ АНАЛИЗЕ, МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

Автор: Н. Дж. СМЕЛЗЕР

© 2004 г.

СМЕЛЗЕР Нейл Дж. - профессор Калифорнийского университета (Беркли, США).

Разрешите выразить чувства гордости и благодарности в связи с вручением мне премии им. М. Догана. Моя гордость проистекает из важности и престижа этой награды. Я благодарен моим выдающимся коллегам по МСА, которые сочли меня достойным ее. Я уверен, что многие мои коллеги во всем мире достойны такой награды за научные и академические труды.

Вполне естественно, что нижеследующие мои высказывания созвучны самому духу премии за работы в области *сравнительных* или *междисциплинарных* исследований в общественных науках. На них я намерен сосредоточить внимание, добавив к ним *международное сотрудничество*. Поэтому мое выступление носит название: "О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии". Я сознаю, что это очень широкое, возможно, неподходящее заглавие для одного выступления. Сознвая это, я сомневаюсь в своей способности справиться со стоящей задачей и поэтому прошу вас о снисхождении.

В известном смысле выбор трех названных аспектов социальной науки перспективен: все три вызывают положительные ассоциации. Я пока не знаю *ни одного* обоснованного аргумента *против* сравнительного, междисциплинарного либо международного исследования. Как правило, эти понятия в нашей среде признают, уважают и возвеличивают. В моей стране иногда можно получить гораздо больше денег на исследование, если доказать, что оно междисциплинарное: агентства, дающие исследовательские гранты, тоже любят этот термин. (Это не относится к международным и сравнительным исследованиям. Причины я покажу ниже.)

К сожалению, наше позитивное отношение к этим трем аспектам нашей деятельности не подкреплено пониманием того, чем они являются и что означают на самом деле. У каждого множество значений, в большинстве неясных и размытых, в чем стоит разобраться. Более того, мы почти ничего не знаем об их *взаимосвязях*. Они для нас загадка, хотя эти термины часто упоминаются вместе. В этой статье я, в надежде начать наступление на наше незнание, исследую землю, еще не нанесенную на карту.

Некоторые поясняющие дефиниции. Учитывая многомерность и расплывчатость значений рассматриваемых понятий, сначала нужно сформулировать некоторые относительно точные их определения.

Компаративный анализ. Этот термин вызывает особые трудности, поскольку в общественных науках трудно представить себе анализ, который бы не был сравнительным. Дюркгейм понял это более ста лет назад: "Сравнительная социология - это

не особая отрасль социологии; это и есть сама социология, когда она перестает быть только описательной и начинает учитывать факты" [1, р. 139]. В этом примечательном высказывании я вижу подтверждение того, что вся социальная наука строится на *различиях* между людьми и социальными укладами. Возьмем самый простой классический лабораторный эксперимент: две группы, испытуемая и контрольная, *схожи* по всем известным параметрам и *различаются* только реакцией на один, предположительно решающий стимул. Цель эксперимента в том, чтобы определить, приводит ли это единственное отличие к *различиям* в поведении этих двух групп. Это и есть некий сравнительный анализ.

Пойду дальше Дюркгейма, предположив, что даже описание связано со сравнением. Если мы характеризуем одного индивида как высокого, справедливого, самоуверенного, невротического или хорошо адаптированного, мы просто не сможем, не делая каких-либо оговорок и пояснений, применить эти эпитеты к воображаемой или сравниваемой общности людей, члены которой отличаются друг от друга по росту, комплекции, мыслительным способностям, невротизму, приспособленности. Это позволяет сделать вывод, что - независимо от нашего желания подчеркнуть уникальность, индивидуальность или характерную особенность - сам язык, как и все описания и объяснения, компаративен.

Эта общая истина не особо помогает нам, поскольку она слишком универсальна. Компаративным анализом принято считать описание и объяснение сходств и различий (главным образом различий) *условий* или *результатов* развития крупных социальных единиц, обычно - регионов, стран, обществ и культур. Это и есть определение, используемое мною. Оно отражает наше понимание дисциплинарных традиций, сложившихся в антропологии (кросс-культурный анализ), социологии (кросс-социальный), политологии (кросс-страновой), истории (сравнительная история) и психологии (сравнительная психология).

Междисциплинарность. У этого термина много основных и дополнительных значений, и, что осложняет ситуацию, его часто употребляют без уточнения конкретного толкования. Он может обозначать *институциональные* объединения (исследовательский центр из специалистов разных научных дисциплин); *сотрудничество* людей, вместе занимающихся разными социальными науками; *использование* в разных дисциплинах одинаковых концепций, предположений или рамок (например, рациональный выбор); развитие *гибридных* субдисциплин (например, детская психология); а также *теоретические* усилия, например, поиск концептуальных аналогий, междисциплинарных обобщений или принципов (трансдисциплинарность). Для своего выступления я из разных значений выбрал определение междисциплинарности как того, что обеспечивает применение дисциплинарных переменных, концепций, концептуальных рамок и перспектив для понимания и объяснения некоторых эмпирических явлений, таких как уровень участия в голосовании, общественные движения, демократические институты или экономическое развитие. Даже это относительно простое толкование подразумевает общее понимание того, что такое *дисциплина*, ее отличительные сущность, логика и

методология. Эту саму по себе огромную, сложную проблему я не хотел бы затрагивать в данной работе.

Интернационализация. У этого понятия также много значений, из которых нам предстоит сделать выбор. Оно может означать диффузию знания через границы стран, институциональные инфраструктуры, специально созданные для этой цели (например, программы университетского образования за границей; международные исследовательские организации и ассоциации, такие как наша Международная социологическая ассоциация), и независимое взаимодействие, сетевое сотрудничество ученых разных стран. Но сосредоточить внимание я хочу не на этих значениях, а на *качестве знания*, подразумеваемом этим понятием.

Интернационализация означает широкое применение знания независимо от национальных или каких-либо других границ. (При этом подразумевается наличие *консенсуса* о таком его применении, к чему я вернусь чуть позже.) Оставляю открытым пока и вопрос о том, принимает ли

стр. 4

это знание форму *универсальных и всеобщих* принципов, применимых во всем мире, или оно имеет форму общих переменных, используемых вне национальных границ, но при конкретном и точном учете различных национально-культурных условий и периодов истории.

Таким образом, выбранные мною для описания компаративного анализа, междисциплинарности и интернационализации дефиниции относятся к *характеру производимого знания*. Такой подход я выбрал вполне сознательно. Я намерен доказать, что эти три черты знания соединяются, дополняют друг друга и, более того, во многом предполагают друг друга. Не знаю, предпринимал ли кто-то такую попытку, но надеюсь убедить вас в ее ценности.

Природа компаративного анализа. Вначале выясним, что такое компаративный анализ. По этому вопросу у меня есть вполне определенная методологическая точка зрения. В истории его развития можно выделить два противоположных подхода: радикальный позитивизм и радикальный релятивизм.

Радикальный позитивизм начинается с посылки Дюркгейма о существовании реальных социальных фактов, имеющих объективные проявления или показатели. У Дюркгейма в центре внимания были разные виды солидарности, а их индикаторами он считал разные типы права [1]. В последующем в разных дисциплинах компаративисты выделяли такие явления, как доход и богатство, демократические институты и политическое участие, уровень образования, развитие средств коммуникации и "современные" психологические подходы [2]. В качестве индикаторов брались экономические показатели, избирательные системы и уровни голосования, продолжительность обучения, наличие радио и телевизора, а также ответы респондентов о своих установках. Данные исследований по различным странам заносились в сопоставимые таблицы. В методологии позитивизма это реальные вещи, сопоставимые явления, а используемые показатели - их индикаторы. Но сегодня немногие компаративисты признают такую бесхитростную методологию. Существуют более утонченные ее варианты [3], но многие исследователи-компаративисты делают вид, будто верят именно в нее.

Основное возражение против этого "жестко-сциентистского" подхода таково: сравниваемые явления не сопоставимы, их показатели нереальны, потому что сравниваемые контексты, в которые они укоренены, весьма различны. Например, срок обучения в школе как показатель уровня образования - явно ошибочный измеритель, даже для стран ОЭСР, где проводятся сравнения, не говоря уже <o> странах Азии и Африки. Слишком велики различия систем образования, философий образования, структурирования уровней, программ и методов обучения. Одним словом, различия контекстов разрушают и достоверность, и валидность обычных компаративных измерений.

Если продолжить этот разговор, ссылки на контекст ведут в итоге к радикальному релятивизму, где ничто не поддается сравнению. Одно из выражений этой позиции сформулировано американскими антропологами первой половины XX в. (обычно примером является Рут Бенедикт [4]) под названием "культурный релятивизм". Ее сутью была атака на моральный этноцентризм тех, кто видел и оценивал значение культурных систем других обществ глазами европейцев. Альтернативу они видели в оценочной методологии, когда утверждается, что моральные ценности других культур находятся в качественно разных контекстах и имеют собственную внутреннюю целостность. Недавно возник еще более радикальный релятивизм, связанный с общим дрейфом к постмодерну. Культурные релятивисты - антропологи никогда не выступали против эмпирического исследования, но постмодернисты, говоря <o> целостности "другого" и осуждая "сущностность", отстаивают эпистемологический релятивизм и антисциентистское отрицание возможности объективного эмпирического понимания и объяснения.

В истории науки позитивистский подход не раз сменял релятивистский и наоборот. В атмосфере оптимизма социальных наук 1950 - 1960-х гг. вновь заявил <o> себе позитивизм. На его основе проводились кросс-страновые исследования экономики, по-

стр. 5

литики и социальной сферы, многие из них в ретроспективе кажутся несколько наивными. За последние 20 лет наблюдается определенный поворот к релятивизму. Недавно Ч. Регин утверждал, что в последней трети XX в. в социологии явно снизился интерес как к макросоциологической теории, так и к компаративным исследованиям в целях поиска "большой картины". Основное внимание, считает он, уделялось историческому анализу конкретных проблем (case study) (это он назвал "историческим поворотом"), а также пониманию и постижению смысла и значения изучаемых акторов ("культурный поворот"). Это подняло значимость клинических теории и методов, а также более "персонализированного" и менее "коллективистского" подхода к теории и пониманию. Из такого диагноза Регин сделал вывод о необходимости "интегрировать и синтезировать результаты исследований конкретных ситуаций (case study)" и глубже изучить то, что способствует "проведению хороших case-study" [5].

Если принять диагноз Регина, что я склонен сделать, нужно также отметить: эти процессы нанесли определенный методологический урон компаративному анализу. Я признаю ценность изучения "конкретного случая" как пути к достижению глубины описания, богатства анализа и контекстуализации объяснений. В то же время, если остановиться на "конкретных случаях", возникнет искушение двигаться в

антисциентистском направлении. Раньше я полагал, что описание само по себе, включая отдельные случаи, невозможно без сравнения (по крайней мере, подразумеваемого). Пренебрегая теорией и преувеличивая значение "случая", исследователь может потерять или отвергнуть ряд очевидных проблем компаративного социально-научного анализа.

"Культурный поворот" учит нас уделять больше внимания значению и пониманию действий тех, кого мы изучаем. Здесь нечего возразить. Однако при этом мы уходим от столь почитавшихся ранее структурных реалий и количественных показателей, пренебрегая ценным ресурсом сравнительного анализа или принижая его. Я считаю, что на современной стадии нашего мышления большинство обществоведов поддержат справедливость утверждения, что лучшая методологическая стратегия компаративного анализа состоит в обретении точки опоры везде, где только можно. То есть, в том, чтобы, полагаясь на все возможные данные и методы - количественные и качественные, жесткие и мягкие, объективные и интуитивные, - использовать и взвешивать каждый из них для совершенствования нашего понимания и объяснений.

Ясно, что я не разделяю стратегию Регина - использование и проработка "case study" как предпочтительная методология для снятия напряжения между полюсами позитивизма и релятивизма. Но прежде чем обозначить собственную позицию в этом вопросе, я должен затронуть еще один аспект проблемы. В истории сравнительного анализа, берущей свое начало в XIX в., социальные науки при выборе категорий сравнения не были справедливы и нейтральны к не-западному миру. Антропологи XIX в. наделяли его характеристиками "примитивный", "дикий", "варварский". Позднее говорили: "простой", "традиционный", "основанный на обычаях", "слаборазвитый", "неразвитый", даже "развивающийся" и "новый", что ненамного лучше. Здесь очевидны два недостатка. Первый - моральный этноцентризм, поскольку все эпитеты противопоставляют этот мир западному как более совершенному. Второй - чрезмерное упрощение. Огромные миры существующего разнообразия сжимаются, сводятся до грубых и бессмысленных величин. Даже у более новых и точных компаративных понятий, например, "бюрократия" (Вебер), "дифференциация" (Спенсер и Дюркгейм) и "гражданское общество" (Гегель и Токвиль), западный опыт - источник происхождения и применения.

Конечно, можно утверждать, что компаративный анализ до самого последнего времени - это своего рода наложение западных категорий на незападные общества. По-прежнему в западном мире генерируется господство компаративной мысли социальных наук, а затем оно, посредством наших научных исследовательских трудов, а также менталитетов *тех* членов незападных обществ, кто изучал западные социальные науки, переносится на остальной мир. Я не думаю, что это результат непременно ка-

стр. 6

кой-то гегемонистской либо империалистской программы. Тем не менее, я считаю это объективным фактом истории, который необходимо учитывать в наших программных размышлениях о будущем компаративной социальной науки.

Теперь о моем собственном мнении в отношении собственно сравнительного анализа и стратегий его осуществления. Как вы, возможно, подозревали, я уйду и от

позитивистской и от релятивистской крайностей, поскольку первая неверна как методология сравнений, а вторая свою частично справедливую критику доводит до антисциентизма и методологического паралича. Проложить тропинку между этими двумя крайностями, однако, нельзя ни путем облагораживания case study, как утверждал Регин, ни простого компромисса между обоими принципами.

Предлагаемая мною стратегия заключается в *систематизации контекста* сравнений - как в плане *выбора компаративных индикаторов* (измерений), так и в плане *объяснения* компаративных сходств и различий. Коннотации "систематизирования контекста" не самоочевидны, поэтому остановлюсь на них подробнее.

Что касается индикаторов, это известная проблема равноценности или сопоставимости измерений в разных национальных, социетальных и культурных условиях. Эта непростая задача мучила экономистов, пытавшихся выработать сравнительные критерии уровня доходов для всего мира, политологов, искавших такие индексы политического участия, как уровень участия в выборах или состояние общественного мнения. Не утверждаю, что все ученые были наивны в вопросе эквивалентности измерений. Психологи-компаративисты, например, сумели использовать проективные тесты, которые, по их мнению, относительно "независимы от культурного фона". Они разработали сложные схемы вопросов в исследованиях, требовавших "обратного перевода" для того чтобы уловить общую значимость. Усилия некоторых экономистов и других ученых сосредоточивались на создании критериев оценки "неденежных" аспектов труда и ценности. Особый интерес, в частности, уделялся международным сравнениям неоплачиваемого труда в семье.

Попытки частично разрешить проблемы равноценности измерений строятся на двух методологических принципах. Первый - обществоведы должны как можно реже использовать явно *одинаковые* критерии сравнения ряда разных ситуаций. Это тяжелый, хотя и не смертельный удар по позитивизму. Одинаковые показатели (например, уровень участия в голосовании при оценке политической активности населения) могут применяться в анализе каких-либо явлений в странах, которые являются "схожими случаями", то есть их правовые структуры, избирательные системы, партийные системы и "политические культуры" аналогичны. Поэтому понятие "процесс голосования" в таких странах имеет более или менее одинаковое значение. Соответственно компаративисту-аналитику, чувствительному к точности, следует сравнивать явку избирателей скорее *в регионах* с одинаковым конституционным строем, чтобы максимизировать сопоставимость. Аналогичным образом, срок обучения как показатель уровня образованности пригоден - или почти пригоден - для обществ со схожими системами народного образования. Но случаев применения такой логики немного. При многообразии культурных традиций и народов, существующем сегодня, трудно найти "схожие случаи", да и те, что считаются таковыми, не всегда действительно "схожи". Так что компаративное "правило правой руки" заключается в том, что обычно нужно подбирать "множество измерений для одной и той же вещи" [6].

Второй принцип: поиск равнозначных индикаторов должен сам быть *независимым процессом компаративного исследования*. Например, измерения уровня политического участия сами по себе продукт сложных политических процессов, меняющихся в зависимости от контекста. Поэтому в первую очередь надо решить, что мы понимаем под политическим участием концептуально и теоретически; затем определять, какие проявления может иметь это участие (голосование, влияние граждан на политическую жизнь, неформальные средства воздействия - это только некоторые проявления), - и только *потом* проводить собственно исследование,

создавая точные и обычно комплексные показатели многогранных процессов политического участия.

стр. 7

Парадокс в том, что *равноценности* показателей лучше всего достигнуть путем поиска *различных* показателей одного и того же явления в разных условиях.

Боюсь, армия компаративистов всего мира без энтузиазма отнесется к моему совету разрабатывать равноценные показатели проведения кропотливого сравнительного исследования. К тому же публикация журнальной статьи с описанием изобретения и внедрения такой равноценной сравнительной переменной согласно нашим интеллектуальным предпочтениям и установившейся системе поощрения ученых - не столь уж звучная победа. Мы и наши аудитории слишком жаждем гораздо более значительных результатов в форме сущностных находок. Тем не менее, несмотря на вышесказанное, я все же дам свой совет, поскольку забвение его может повредить адекватности и, возможно, надежности результатов сравнительного анализа.

Как только созданы надежные компаративные индикаторы, сравнительный анализ переходит к решению более сложной задачи - производству описания и объяснений сравнительных различий. Вернусь к примеру политического участия. Он позволяет найти различия, коренящиеся в различиях политической терпимости, репрессивности характера политического режима, в различиях традиций и отношения к власти, в уровнях культурного оптимизма, пессимизма и культурного цинизма. Выявление и измерение этих причин, добавлю, упираются во все те же вопросы необходимости установления эквивалентности этих объяснительных переменных, в первую очередь определяющих *объяснения* (explananda) уровней политического участия.

Так я представляю себе систематизацию контекста сравнительного анализа. Она требует более напряженного труда исследователя, нежели тот, к которому мы привыкли сегодня. И последнее: возможно, для достижения этой цели стоит отойти от позитивизма Дюркгейма, считавшего, что в жизни общества у каждого следствия есть лишь одна причина. Напомню, Дюркгейм выдвинул это положение в противовес формуле Джона Стюарта Милля - одно событие может иметь множество разных причин. В сравнительном анализе нам стоит ожидать, например, различные сочетания причин схожих и различающихся моделей политического участия и всех других исследуемых социальных явлений. Это вытекает из моего требования систематически учитывать *контексты* при выработке индексов и объяснений. Эти контексты, очевидно, настолько меняются от случая к случаю, что результатом исследования становятся различные комбинации и контуры причин, поскольку они проявляются компаративно.

В заключение этой части статьи несколько гипотетических замечаний относительно *классификации* социальных типов в компаративном контексте. К этой проблеме обращались и Дюркгейм (типологизация по мотивам эгоистичного, альтруистического и аномийного самоубийств), и Вебер (идеальные типы, или селективное выделение важных, повторяющихся характеристик эмпирических феноменов).

Можно указать и на классификации *контекстуальные*. Некоторые типологии производны от грубой и неструктурированной идентификации широких

национальных контекстов - например, Американская, Французская, Российские, Китайская, Мексиканские и другие революции; или доколониальный, колониальный и постколониальный национализм. Другие указывают на главных агентов, например, военная, буржуазная, пролетарская или крестьянская революции.

Полагаю, что тщательная дисциплинарная идентификация контекста и результатов, и детерминаций позволит получить более адекватные компаративные классификации, нежели те, с которыми мы работаем сегодня. Вернусь к политическому участию. Одним из направлений его классификации может стать создание многомерной сети типов по следующим характеристикам: 1. Уровень репрессивности политических режимов, в контексте которых имеет место участие, - в диапазоне от крайне тоталитарного до крайне демократического с целым рядом промежуточных типов; 2. Стабильность политического режима; 3. Организационный контекст участия - выборы, институционализированные партии, неформальные партии, открытые и тайные общественные движения, неформальное влияние, подпольные ячейки.

стр. 8

Такая сеть могла бы включать также элемент динамики, который уточнял бы направление последних перемен уровня открытости или репрессий, внезапность этих перемен и прежние организационные формы политического участия. Это всего лишь мои предварительные наброски, но они показывают, что такие различия не только обозначают путь к тому, что можно измерять как политическое участие, но и к созданию схемы его основных типов.

Междисциплинарность. Тридцать пять лет назад Пол Лазарсфельд попросил меня написать вводную главу "Социология и другие общественные науки" к своей "президентской" книге о применении социологии [7]. Через пару лет меня попросили написать статью о фундаментальном ядре и границах социологии как научной дисциплины. С самоуверенностью и оптимизмом, не говоря о безрассудстве, присущим молодости, я взялся за оба дела. В первой работе я обрисовал в общих чертах основные переменные и параметры, фундаментальные посылки, теоретическую структуру и методологические подходы антропологии, экономической теории, политической науки, психологии и социологии и ввел междисциплинарное понятие дополняющего взаимодействия между ними. В другой статье я проанализировал социологию глубже, описав ее основные зависимые и объяснительные переменные согласно моему пониманию демографии, социальной психологии, групп, социальной структуры и культуры. Но я был достаточно близок к реальности, чтобы понимать, что имею дело с неидеальным миром. Я описал социологию, например, как "нечто мягкое в центре и с неясными очертаниями" [8, р. 5].

Эта моя работа была и остается значимой, и я рад, что выполнил ее. Однако признаюсь, что если бы меня попросили взяться за это дело сейчас, я бы делал его по-другому и, конечно, с меньшей уверенностью. Такое изменение моих взглядов объясняется отчасти тем, что за прошедшие с того времени 35 лет мои личные взгляды смягчились. Однако основная причина - в самих науках. Если в 1960-х годах мои определения были не слишком точны, то в настоящее время неточность присуща им в несравнимо большей мере. Все, без исключения, общественные и бихевиористские науки утратили свою структуру благодаря возросшему внутреннему дроблению областей знания на субполя, разнообразию теорий и парадигм, взаимному

обмену концепциями, моделями и методами, их гибридизации, когда объединение элементов нескольких дисциплин ведет к созданию новых направлений исследований. В результате сформировались и выкристаллизовались если не новые дисциплины, то мультидисциплинарные области знаний. Наиболее очевидные - теории городов и их планировки, исследования эволюции, изучение организаций и менеджмента, СМИ и коммуникаций, экологии, тендерные исследования. Многие из них - побочные продукты развития знаний, но главная причина их появления - фундаментальный конфликт внутри самих дисциплин. И социология здесь самый яркий пример.

В середине 1990-х годов Д. Левайн, обозревая ситуацию в социологии, пришел в отчаяние: научные дисциплины переживают тяжелые времена. Упомянув все процессы, отмеченные мною выше, он тоже сделал вывод о крахе известных нарративов - позитивистского, плюралистического, синтетического и гуманистического. Выход из хаоса он видел в создании "новых принципов картографирования нашего интеллектуального мира", утверждая, что деление на дисциплины, "возможно, так и останется источником "недомогания", если мы не сформулируем для них более подходящую основу, включая реконструкцию нарратива, подтверждающую идентичности их приверженцев" [9, с. 294].

Я не приемлю крайностей Левайна. Ядро определенных дисциплин сохраняется; большинство практиков без труда относят себя к определенному направлению науки, несмотря на то, что интеллектуальная почва у них под ногами год от года становится все мягче и неустойчивей. Более того, силы организационной и бюджетной инерции наших факультетов, университетов, исследовательских подразделений и академий таковы, что я не вижу большого числа "переделанных нарративов" и возможности

стр. 9

возникновения новой идентичности на этой основе. Боюсь, что более вероятен сценарий со слегка подновленными толкованиями старых нарративов.

Как бы то ни было, чем бесформеннее дисциплины, тем менее мы уверены в том, что означает и влечет за собой междисциплинарный подход. Моя идея дополняющего взаимодействия отдельных дисциплинарных единиц, похоже, утратила большую часть силы, которая когда-то у нее была. Границы большинства дисциплин стали столь неясными и расплывчатыми, а заимствования столь масштабными, что если у исследователя широкий взгляд на область своих занятий, он фактически работает междисциплинарно. Экономика, возможно, исключение из этого правила, однако ее открытость идеям юриспруденции, психологии и теории организаций означает, что и она утратила большую часть своего неоклассического ядра.

Позвольте теперь вернуться к основной теме, - к связи компаративного анализа и междисциплинарности. Если принять мои диагноз и рекомендации по компатаивным исследованиям как систематизирующим контексты описательных индексов и объясняющих переменных, ответ вполне очевиден. Структуры обществ не поддаются точной расфасовке по дисциплинам. Почти все конкретные социальные явления, ситуации и институты вплетены в бесшовную ткань экономических, политических, социальных и культурных аспектов. Чтобы понять контексты, мы вынуждены быть междисциплинарными. Вернусь к примеру политического участия: если кто-либо хочет создать хороший метод измерения этого явления, ему нужно изучить не только

принятие политических решений, но и социальные классы, добровольные организации, общественные движения, структуру семьи и, возможно, религиозные организации. Если он затем начнет *объяснять* различия оценок уровней политического участия, междисциплинарность задачи еще более возрастет. Я бы даже сказал, что если мы хотим надлежащим образом вести сравнительный анализ, мы просто обязаны использовать междисциплинарный подход. Прошу прощения за такое ясное и краткое изложение моей позиции, но логика исследования заставляет меня сделать такое заключение.

Интернационализация. Позвольте теперь перейти к третьей части моей статьи - интернационализации. Как вы помните, в основе моего определения - знание, обладающее всеобщей значимостью независимо от национальных или региональных границ. Я намерен связать это с понятиями компаративного анализа и междисциплинарности, раскрытыми в предыдущих разделах, а также с имеющимися препятствиями на пути к такому знанию.

Напомню ранее приведенное обобщающее определение интернационализации знания: социально-научное знание, которое значимо и применяется вне национальных или иных границ. Это больше, чем компаративное объяснение сходств и различий. Это создание категорий, моделей, теорий, рамок, предположений, познание глубинных причин и взаимосвязей, *охватывающих* и *объясняющих* поведение личности и социальные процессы - объект, который, по большому счету, является сферой наших исследований. Надеюсь, вы простите, если эта формулировка звучит старомодно, напоминая модели социальной науки, которые сегодня считаются наивными и дискредитированными. Однако этот вид знаний и есть главная цель общественных наук, даже если она не полностью достижима.

На мой взгляд, получить такое знание можно только благодаря международному сотрудничеству, основанному как на точных теоретических выкладках, так и на систематической эмпирической работе. Такая работа предполагает и общезначимые компаративные исследования, и междисциплинарные изыскания, - причины этого изложены выше. С учетом ограничений современной науки об обществе она подразумевает процесс выборочной замены, модификации и совершенствования наших нынешних моделей понимания и объяснения. Она также предполагает взаимозависимость, равенство и паритет ученых разных стран, и как результат - объединение и целостность различных объектов исследования независимо от места этих обществ в системе международного разделения труда, пирамид власти или престижа. *Необходимо*

стр. 10

признавать равенство всех вариаций человеческой жизни и обществ, поскольку они *суть* вариации и не могут рассматриваться как менее развитые версии чего-то иного, считаться "аномалией" или даже косвенно содержать ценностные суждения.

Сделав эти замечания, следует также отметить, что процесс получения междисциплинарного знания - не поиск некоего всеобъемлющего общего знаменателя или усреднения, или результат, демократически достигнутый всеми равноправными сторонами. Привести к этой цели может только огромная работа и, желательно, межнациональное, межрелигиозное и межкультурное сотрудничество, которое руководствуется канонами и методологией социально-научного

исследования. Могут возразить, что эти каноны сами по себе необъективны, и, следовательно, нужно искать другие виды знаний. Я открыт для таких аргументов, однако отвергаю их. Полагаю, сторонники такого взгляда в создании интернационально достоверного знания столкнутся с трудностями.

Такова модель формирования интернационально значимого знания. Я считаю ее одновременно и верной, и утопичной. Говоря об утопичности, я просто обязан перечислить некоторые современные препятствия на пути к интернационально достоверному знанию.

Источник первого препятствия - этноцентризм. Имеется в виду тот факт, что в мире нет ни одного общества, которое бы не создало теорию - может быть, точнее историю (story) - <о> своем происхождении, особенностях, месте в природе, о своем народе и его группах, характере народа. Все общества изобретают для себя свои собственные народное хозяйство, политическую науку, социологию и психологию. На протяжении почти всей истории такие рассказы не систематизировались, являя собой сложные смеси мифа, предрассудков, религиозных верований и здравого смысла. Появление поведенческих и общественных наук вытеснило большинство подобных построений, однако внимание ученых - бихевиористов и обществоведов - всего мира фокусируется на собственном обществе. Более того, зачастую в последнее время они обнаруживают характерную гордость за такого рода знания и предпочитают именно их. Работая главным редактором новой *"Международной энциклопедии социальных и поведенческих наук"*, я столкнулся с этим болезненным фактом. Моему коллеге-редактору П. Болтесу и мне, помимо всего прочего, было поручено подготовить *международное* издание, и мы делали все для максимизации интернационального представительства участников работы над энциклопедией. Но в действительности успех, которого мы добивались, нивелировала борьба против местнических отчетов авторов из участвовавших в проекте стран и регионов.

Второе препятствие - определенные культурные и познавательные ограничения исследователей. У этой проблемы две взаимно противоречащие стороны. С одной стороны, только те, кто социализировался в данной культурной и общественной среде, действительно могут понять ее. Эта позиция находила отражение в различных формулировках, и одна из последних - "теория точки зрения". Противоположная позиция такова: социализированные определенным путем люди слепы в понимании самих себя. Многие они воспринимают бессознательно как не требующее доказательств или обсуждения - "последней заметит воду рыба". Следуя этой идее, потребовался де Токвиль, сторонний наблюдатель, чтобы так глубоко понять поведение американцев. И в целом, иностранцам понятны вещи, которые не поймут коренные жители. С другой стороны, иностранцы, будучи "чужаками", не могут войти "внутрь", как это делают туземцы, и поэтому всегда чувствуют некий осадок растерянности и затруднений. Особенно поражает то, что обе стороны одновременно и правы, и заблуждаются. Более того, этот факт, по-моему, самый веский аргумент в пользу международного сотрудничества, так как благодаря постоянной совместной работе по исследованию и просвещению можно максимизировать сильные стороны обоих принципов и минимизировать их недостатки.

Центр тяжести инфраструктуры нашего собственного научного знания, как современного, так и унаследованного, заметно перекошен. Выше я отметил западно-

центричность исторического развития социальной науки, включая компаративный анализ. Несмотря на существенный прогресс, такое положение сохраняется. Основные исследования по общественным наукам проводятся в Северной Америке и Европе. Многие ведущие ученые других континентов, чтобы получить знания, перенять опыт и развить мышление, приезжали и будут приезжать именно в Северную Америку и Европу, не наоборот. Силы, содействующие укреплению и даже интенсификации этой асимметрии, сейчас несравнимо сильнее, нежели тенденции, действующие в обратном направлении.

И, наконец, существующие организационная и политическая инфраструктуры также способствуют усилению локального характера знаний. Стремление получить всеобщее социальное знание постоянно сдерживается национальными "приоритетами" и потребностями в знании. Во многом это объясняется тем, что последнее, независимо от международного признания, обычно оценивается и вознаграждается на местном уровне. Поэтому создание как компаративного, так и интернационального знания тормозится. Мы, в наших международных организациях, не должны проходить мимо этих тенденций, ибо - вопреки тому, что эти организации в принципе привержены интернационализации и сотрудничеству - на практике их мучают соперничество стран и регионов, борьба за признание и положение, наряду с интернациональным сотрудничеством. Международные организации, в том числе и наша, также как и их национальные составные части, построены по дисциплинам и не считают особым приоритетом междисциплинарную работу.

Итоговое замечание. Я считаю свои соображения, изложенные в статье, смесью надежды и реализма. Убежден, что связи междукомпаративными, междисциплинарными и интернациональными трудами реальны и правомерны. Но в то же время интеллектуальные и научные приоритеты, с которыми нам приходится жить, столь серьезные препятствия на пути реализации такой программы, что вряд ли нам при жизни удастся стать свидетелями значительного прогресса в этой сфере.

Перевод Н. В. РОМАНОВСКОГО и А. С. МАТКОВОЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Durkheim E. The Division of Labor in Society. Book 1, Ch. 2. Trans. G. Simpson. Glencoe, IL, 1949 (Orig. Pub. 1891.)*
2. *Inkeles A., Smith D. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, MA, 1974.*
3. *King G., Keohane R., Verba S. Designing Social Inquiry: Scientific Evidence in Qualitative Research. Princeton, NJ, 1994.*
4. *Benedict R. Patterns of Culture. Boston, MA, 1934.*
5. *Ragin C. The Places of Case-Study Research // Comparative and Historical Sociology (Newsletter of the Comparative and Historical Sociology section of the American Sociological Association). 2000. 13(1), p. 1 - 2.*
6. *Przeworski A., Tuene H. The Logic of Comparative Social Inquiry. NY, 1970.*
7. *Smelser N.J. Sociology and the Other Social Sciences // P.F. Lazarsfeld, W.H. Sewell, H.L. Wilensky (eds) / The Uses of Sociology. NY, 1967. P. 3 - 44.*

8. *Smelser NJ. The Optimum Scope of Sociology // R. Bierstedt (ed.) A Design for Sociology: Scope, Objectives and Methods. Philadelphia. 1969. P. 1 - 21.*

9. *Levine D.N. Visions of the Sociological Tradition. Chicago, IL, 1994.*